

Твой отец не знает, кто его бомбит

Мне десять. Мы с папой поднимаемся на ярко-голубом самолете в ярко-голубое майское небо. Мой мир одновременно сжимается до крошечной двухместной кабины и раскидывается пушистыми крыльями облаков за горизонт. Папа дает мне подержать второй штурвал, и в моих детских руках оказывается огромная машина, несущая нас по воздуху, но мне ни капельки не страшно. Я слышу в наушниках папин смех; вижу его руки, зависшие над штурвалом, чтобы в любой момент подстраховать меня, и я точно знаю: он рядом, а значит, все обязательно будет хорошо.

Десять лет спустя в низкое февральское небо поднимается совсем другой самолет, и я получаю от папы сообщение: «Если я замолчу, не переживай. Я в бомбоубежище».

Я боюсь открывать новостные каналы и боюсь их не открывать, я подпрыгиваю от громкого стука двери и не сплю по ночам. У меня выписан адрес папиного дома, чтобы знать, на какие улицы обращать внимание в очередных списках разбомбленных районов, а в рюкзаке дожидаются сумерек клей и стопки листовок. И я даже не догадываюсь, что спустя несколько дней, сидя в слезах на кухне, услышу от матери холодное: «Твой отец не знает, кто его бомбит».

Тогда мне казалось, что половина моей семьи сошла с ума: ведь не может за ночь настолько измениться отношение к отцу твоего ребенка, внука, племянника. Но пройдет немного времени, и я услышу еще десятки таких историй. Историй друзей, возлюбленных, целых семей, многолетние связи которых горели и рушились вместе с Киевом, Харьковом, Мариуполем, Бучей, Херсоном.

Почти тогда же мне придется осознать еще кое-что: отношение к украинцам изменилось вовсе не за одну ночь. Практически невозможно в

один момент заставить почти всю страну ненавидеть своих ближайших соседей, друзей и родных. Нет, какой бы неожиданностью для мира ни стало начало полномасштабной войны, почву для нее подготавливали очень давно. Ненависть и страх любовно взращивались пропагандой даже не пресловутые восемь лет, но почти с момента распада СССР. Б. Стругацкий писал в своем эссе «Фашизм — это очень просто»: «Если вы вдруг «осознали», что только лишь ваш народ достоин всех благ, а все прочие народы вокруг — второй сорт, поздравляю: вы сделали свой первый шаг в фашизм». Внешняя и внутренняя же политика России на протяжении почти тридцати лет строилась на идее о том, что русский народ — избранный, идущий особенным путем, а все, кто не желает идти следом — враги. Так, послушные голосам из телевизора, россияне оказались носителями той же идеологии, победу над которой они сделали не просто главным национальным праздником — национальной идеей.

Любая диктатура, любой милитаристский режим опирается на одно — на страх. Страх перед диктатором, перед внешним и внутренним врагом, перед будущим и неопределенностью — идеальная почва для ненависти. И пропагандисты не скупятся на шокирующие подробности, с готовностью сочиняя страшные сказки для народа. В конце концов, солдату из нищего поселка, где до сих пор не появился даже водопровод, никак нельзя забывать о том, что в траншее напротив — кровожадные монстры, а дети, оставшиеся в разбомбленном театре, наверняка маршировали под знаменами со свастикой.

«Очень важный признак фашизма — ложь. Конечно, не всякий, кто лжет, фашист, но всякий фашист обязательно лжец. Он просто вынужден лгать» - утверждает в том же эссе Б. Стругацкий, и за два года войны мы в этом убедились. За годы худого мира и ужасной войны прокремлевские СМИ создали множество историй, единственной целью которых было посеять

как можно больше страха перед «врагом», но одна из них стала хрестоматийной. Телесюжет о распятом мальчике – прекрасная демонстрация того, как далеко готовы зайти пропагандисты в своих попытках демонизировать украинцев.

Центр города. Площадь Ленина. Наш Горисполком — это единственная площадь, куда можно согнать всех людей. На площади собрали женщин, потому что мужиков больше нет. Женщины, девочки, старики. И это называется показательная казнь. Взяли ребёнка трёх лет, мальчика маленького, в трусиках, в футболке, как Иисуса, на доску объявлений прибили. Один прибивал, двое держали. И это всё на маминых глазах. Маму держали. И мама смотрела, как ребёнок истекает кровью. Крики. Визги. И ещё взяли надрезы сделали, чтоб ребёнок мучился. Там невозможно было.

Из-за отсутствия любых доказательств история была почти сразу опровергнута. Ни один из опрошенных независимыми СМИ жителей Славянска не подтвердил информацию из сюжета; более того, история разбивается о банальный факт отсутствия в городе площади Ленина, на которой якобы произошла трагедия. «Распятый мальчик» стал символом абсурдности российской пропаганды, обозначающим ставшую для нее нормой намеренную дезинформацию, - и тем не менее, этот и похожие нарративы до сих пор активно используются прокремлевскими журналистами и активистами.

Многими этот эпизод упоминается также в качестве яркого примера функционирования СМИ в эпоху политики постправды. Конечно, это свойственно провокационной журналистике во всем мире, но стране, ведущей активные боевые действия, особенно важно жестко регулировать настроения в обществе. Российские СМИ, делая ставку на эмоции, а не на факты, конструируют виртуальную реальность, в которой вокруг России сжимается кольцо врагов, готовых на самые бесчеловечные поступки, если их сейчас же не остановить. Благодаря этому общественным мнением

становится намного легче манипулировать: запуганные люди, постоянно существующие в состоянии истерии, готовы поверить в необходимость любых военных преступлений, если они обеспечат такую желанную безопасность. Даже адепты «невсетакооднозначности», выбирающие (относительно) нейтральную позицию оказываются в конце концов выгодны диктатуре: запутавшиеся и уставшие, они выбирают не верить вообще никому – в том числе противникам войны. Именно обитающие в этой лживой, искусно скроенной реальности люди и составляют основной пласт поддерживающих (или не осуждающих) войну россиян.

И пока даже оппозиция рассуждает о том, как все в этом мире не делится на черное и белое, а моя мать жалеет «мальчиков», для меня все до боли просто и однозначно. Я точно знаю, что, пока Россия не объявила войну, на район моего отца не падали ракеты, он не показывал мне фото укреплений на Крещатике, его друзья не бежали от входящих в Бучу «освободителей», а мои телефонные разговоры с ним ни разу не захлебывались в вое сирен. Начало войны застало меня в России, и мне пришлось наблюдать, как мое окружение медленно сходит с ума, а улицы Москвы одеваются в уродливый черно-оранжевый камуфляж. На каждом углу звучали заученные лозунги про защиту, детей Донбасса и нацистов, и единственной тонкой ниточкой здравого смысла для меня оставалась связь с отцом. Благодаря ей я навсегда запомню страшную хронику войны – какая она есть. Запомню, как упало сердце утром 24 февраля, когда не отвечал самый родной номер; какими долгими были бессонные ночи, когда под Киевом стояли танки; как медленно стали обыденностью блэкауты и воздушные тревоги; как ползарплаты уходило на сборы украинским бойцам; как мой отец сам стал одним из них. И как бы упорно мне ни пытались доказать, что по ту сторону границы – монстры в нацистских

нашивках, я всегда буду помнить, какую форму защитники Украины носят на самом деле. В этой форме воюет мой отец.